

Певцу надо иметь выдающийся голос, точный слух, обладать общей музыкальной культурой, чуткостью, темпераментом, сценической внешностью и, главное, талантом. Если половина этих качеств отсутствует, то самое старательное прохождение музыкальных дисциплин не поможет сделаться выдающимся певцом.

А я считаю, что много зависит от волевых задатков, умения работать, иметь твердый характер, обладать интеллектом, и еще не помешает — если просто повезет.

Концерты класса П. З. Андреева пользовались огромным успехом. Малый зал Консерватории всегда был переполнен, приходили артисты из театров, профессора, преподаватели и, конечно, студенты.

Кто из молодых певцов не мечтает об опере! Каждый консерваторец спит и видит себя оперным артистом. Мечтала и я быть только оперной певицей, тем более буквально со вступительных экзаменов мне все твердили, что я прирожденная Татьяна, что мне даже гримироваться не надо. В ту пору я действительно внешне походила на пушкинскую Татьяну и своей скромностью, и косой, спускающейся почти до колен. Одна Зоя Петровна Лодий уговаривала меня стать камерной певицей:

— Что за интерес наряжаться в старые тряпки, мазаться. Да и в опере гораздо легче петь, ведь там все помогает успеху артиста: и оформление, освещение, оркестр, партнеры, а здесь ты одна царишь, публику ничто не отвлекает, одна ты ею владеешь.

Я, правда, с этим не согласна, так как в опере свои трудности, а у камерного исполнителя свои.

В это время у меня произошли события в жизни.

Иван Васильевич Ершов, знаменитый исполнитель вагнеровского репертуара, встретил меня в Консерватории и сказал:

— На днях я был на Ленфильме, меня пригласили сниматься в фильме «Дубровский», который ставит А. В. Ивановский. Мне предложили роль отца Владимира Дубровского. Я снимусь в пробе, если понравится — буду сниматься, если нет, то не буду.

Иван Васильевич был очень требователен к себе.

— Троекурова будет играть Монахов, а вот Маши у них нет. Спросили меня, нет у вас в Консерватории подходящей девушки на эту роль? Я сразу вспомнил о вас и сказал, есть, и она очень подойдет по внешнему облику Троекурову—Монахову. Пойдите от моего имени.

Зная о строгости моего отца, я потихоньку, сказав только маме, пошла на Ленфильм. Там я познакомилась с А. В. Ивановским, который, внимательно осмотрев меня (действительно, в кино на тебя смотрят оценивающими взглядами, как на лошадей), поручил снять «пробу» своему сорежиссеру Борису Алексеевичу Медведеву. Борис Алексеевич прорепетировал со мной несколько сцен и снял. На следующий день он явился к нам в дом, найдя причину, якобы забыл мне вчера сказать, что надо на глаза положить испитой чай, так как от сильных юпитеров могут болеть глаза.

Папа узнал, что это режиссер Ленфильма, что я без его разрешения снималась, да еще папе показалось, что он за мной начинает ухаживать, сдвинул брови и тут сразу же положил конец всем съемкам и ухаживаниям. Папа сказал Борису Алексеевичу:

— Скоро начинаются каникулы в Консерватории, и Ольга должна ехать отдыхать. Были моментально куплены билеты в Крым, и мы с мамой уехали.

Но от судьбы не уйдешь. Примерно через год я случайно встретилась с Медведевым, и наши судьбы переплелись. Я стала его женой, а еще через год у нас родилась дочурка, названная Татьяной в честь пушкинской. В это время я пела эту партию и так решила, если дочь — то будет Танюша, если сын — Владимир.

Перед самым началом войны Иван Васильевич Ершов начал организовывать Вагнеровскую студию, где должен был ставить вагнеровские оперы, и мне сказал:

— Ты будешь занята у меня во всех операх, а пока учи Елизавету из оперы «Тангейзер».

И вот, не успела я выучить с его концертмейстером О. Усовой и первого акта, как обрушилась на нас война. Все планы рухнули, вся жизнь перевернулась. С первых же дней П. А. Серебряков (он уже был в то время директором) стал готовить Консерваторию к эвакуации в Ташкент. Многие студенты ушли на фронт, кто по мобилизации, кто добровольцем. Много моих товарищей, как Борис Гольц, Миша Мастинский, Леня Гинзбург и Слава Лихачев, молодые, талантливые, ушли и не вернулись. Много профессоров уехало в Ташкент и там умерли: И. В. Ершов, Л. В. Николаев, Налбандян, Амосов и другие. Многие остались в Ленинграде, в частности, П. З. Андреев, З. П. Лодий, Л. А. Дельмас, А. В. Осовский, В. В. Софроницкий, М. А. Бихтер, А. Д. Каменский. Не верится, как может человек так много пережить и ужасов, и горя и еще не потерять чувства радости восприятия жизни.

Мне помнится тот час, когда по радио выступил В. М. Молотов: «Родина в опасности». Какое огромное чувство боли, ненависти и злобы проснулось к врагам и какое желание отдать все, что ты имеешь: силы, молодость, жизнь за родную землю. Я тогда ощутила, что такое патриотизм — это чувство словами передать невозможно, его надо испытать, оно должно быть, наверное, впитано с молоком матери.

Фронт был близко от города, и вскоре Ленинград стал фронтом. Передовая проходила всего в нескольких километрах. У Пулково я пела совершенно рядом с фронтом, выступала в подвалах развалин, при фонарях, лица трудно было разглядеть, бойцы сидели прямо на каменном полу. Об одном из этих концертов мне напомнили много лет спустя, когда я была уже артисткой и приехала на гастроли в заполярный Норильск. Там в городе Кайеркане после концерта ко мне подошел пожилой, седой шахтер и сказал, что тогда под Пулковом, весной 1942 года, когда он меня слушал перед боем, то в темноте не мог разглядеть лица, а сейчас, когда я запела «Молодушку», то он сразу по голосу узнал меня и вспомнил девушку с длинной косой.

Транспорта в дни блокадной зимы не было никакого, передвигаться приходилось чаще всего пешком, а из-за частых бомбежек и артобстрелов — и ползком. Помню, как однажды шли мы на концерт через Ленинский парк — и вдруг — очередной артобстрел, мы легли прямо на землю и поползли, но осколком снаряда пробило мне валенок и поранило ногу. Хорошо, что так обошлось, а если бы в лицо или в голову? Этот осколок снаряда я храню как реликвию. Тогда я подумала, значит, мне суждено жить.

Не могу не вспомнить еще один из блокадных эпизодов. Это было весной 1942 года. Мы давали концерт в госпитале у Калинкина моста, и вдруг во время исполнения нашему пианисту Борису Потапову стало плохо и он потерял сознание от голода, у него было сильное истощение. Внезапное смятение охватило всех нас: и участников концерта, и слушателей — раненых. Но мы не растерялись, быстро мобилизовались, я села за инструмент, саккомпанировала балалаечнику, сыграла соло, спела под свой аккомпанемент, и таким образом концерт не сорвался. А за это время нашего пианиста привели в чувство, накормили, напоили, но его организм настолько был подорван, что не выдержал блокады, и он, бедняга, вскоре умер, а затем, позднее, контузило и Диму Круценко, и он навсегда остался инвалидом, играть не мог ни на балалайке, ни на скрипке и очень плохо говорил.

Когда теперь вспоминаешь дни блокады, когда на долю моего поколения выпала задача бороться с фашистами, окружившими для уничтожения Ленинград, можно со всей откровенностью и гордостью сказать, что Ленинград — по праву героиня. Ленинградцы выдержали бомбежки, артобстрелы, безумный голод, холод. Зима 1941-1942 годов была на редкость лютая, электричества не было, водопровод и канализация не работали. Люди умирали сотнями каждый день, хоронить их не могли, свозили мертвых в определенные пункты и складывали штабелями, а потом взрывали динамитом промерзшую землю и хоронили всех в братских могилах.

Да! Много бед и горя было у каждого ленинградца. Незабываемые потери родных, близких, да и нашу семью это горе не обошло стороной: умерла бабушкина сестра, умерла няня. Не выдержал блокадного голода и мой любимый дядя Леня.

Какое счастье, что мы эвакуировались! После нашего отъезда в наш дом попал дальнобойный снаряд. Хорошо, что он был не заряжен, сделанный, как говорили, «дружескими руками». Пробив все шесть этажей, он лег в подвале. В нашей квартире этот снаряд прошел в том самом месте коридора, где мы все обычно укрывались, считая самым надежным местом, причем над нашей квартирой он ударился в железные балки, так что взрыв был бы наверняка. И как после всего этого не верить в судьбу?

Да, страшно вспоминать, уж очень тяжелыми были дни блокады. Кто их не испытал, тому не понять всех ее ужасов.

Но, несмотря на все тяготы, как отрадно было чувствовать и сознавать, что мы еще совсем юные артисты, но уже нужны людям — солдатам, бойцам и раненым, что мы приносим радость, вселяя бодрость. Музыка и песни поднимают дух, настроение, утверждают веру в жизнь и ненависть к врагу, усиливают желание жить и бороться за жизнь, ибо жизнь — самое прекрасное.

В конце августа 1944 года наш директор П. А. Серебряков повез Консерваторию в Ленинград. По возвращении в Ленинград я была тут же приглашена в Ленинградский областной театр оперетты, который возглавлял заслуженный артист РСФСР Николай Антонович Дашковский. В этом коллективе плохо дело обстояло с героинями, покинувшими театр по семейным обстоятельствам. Я после долгих уговоров согласилась принять предложение. Надо сказать, что я до этих пор не увлекалась опереттой, мне она почему-то представлялась низкопробным искусством, и дело не в музыке. Музыка Эффенбаха, Штрауса, Легара, Кальмана всегда мне нравилась, а вот опереточные спектакли казались мне пустыми, дешевыми, а подчас и пошлыми. Но когда я посмотрела в театре Дашковского «Сорочинскую ярмарку», музыка Рябова, я была поражена, что в оперетте зазвучал подлинный Гоголь с его тонким юмором, с яркими персонажами, что ни актерская роль — виден подлинный образ гоголевского типажа. Очень приятно было и с музыкальной стороны. Второй спектакль, который я смотрела, — «Свадьба в Малиновке», и тоже он оставил приятное впечатление. Не было дешевого заигрывания, плоских шуточек, во всем чувствовалась твердая рука режиссера, режиссера хорошего, тонкого вкуса.

Моя первая роль — графиня Марица в оперетте Кальмана. Много со мной над ней работал Николай Антонович Дашковский — и над прозой, и над мизансценами. Ведь до этого мне никогда не приходилось говорить прозу.

В театре работала замечательная актриса, в прошлом исполнительница ролей героинь в опереттах Ольга Михайловна Щиголева. В момент нашего знакомства она играла характерные роли и была помощником режиссера. Мы с ней сразу как-то полюбили друг друга и подружились. Она мне очень много помогала в моих первых шагах в оперетте: отработывала и прозу, и манеры. Каждый спектакль, каждую репетицию она зорко следила за мной: как я вышла, как повернулась, с какой ноги

пошла, как держу спину, руки, как села, встала, как держу шлейф — в общем, за всей внешней стороной, не говоря уже о внутреннем состоянии.

Первый спектакль — Марицу — я пела 7 декабря 1944 года в г. Рыбинске, где наш театр был на гастролях. Помню, как я безумно волновалась, когда шла в театр. Мне казалось, что я иду на плаху. Как меня загримировали, как я вышла на сцену и что делала, не помню. Знаю, что меня все подбадривали, все очень дружески относились — партнеры, хор, балет и, конечно, Дашковский и Щиголева всячески меня опекали. После окончания спектакля меня хвалили, Ольга Михайловна мне говорила:

— Ты слышала, как тепло тебя принимали. Молодец! Ты очень понравилась публике.

Но я ничего не видела и не слышала. Весь спектакль я была в возбужденном состоянии, как будто бы была в опьянении. Николай Антонович был первым моим режиссером в оперетте, и мне очень повезло, что я попала к такому талантливому, культурному, высокоэрудированному человеку. Никогда не забуду мои репетиции с ним по Марице. Николай Антонович умел раскрыть образ в мельчайших подробностях, так зажечь и настроить актеров, что они полностью перевоплощались, жили чувствами и мыслями своих героев. Помимо всего этого, Николай Антонович прекрасно знал и чувствовал музыку.

В студенческие годы мне посчастливилось позаниматься с замечательным артистом, знаменитым вагнеристом, исполнителем вагнеровских опер и в то же время прекрасным режиссером — Ершовым Иваном Васильевичем, но, к сожалению, недолго, так как начавшаяся война прервала занятия. Иван Васильевич эвакуировался в Ташкент, где в скором времени скончался.

В Консерватории и в оперной студии был режиссер Михаил Борисович Таврог, с ним я создала образ Татьяны в опере «Евгений Онегин», который на всю жизнь остался моим самым любимым и близким мне.

В опере я имела успех, публика всегда тепло меня принимала. «Тоску» Пуччини я пела с гастролерами. Однажды пел со мной солист венской оперы Мазаров — обладатель очень красивого голоса, с прекрасной школой. Когда мы запели в унисон без оркестра «Торжество и прекращение наших мучений», то вдруг с галерки раздался голос: «Россия кроет», ко мне за кулисы пришла растроганная Л. А. Дельмас и, целуя, сказала: «Молодец, голос звучит как колокол, ты перекрываешь тенора».

В театре был очень приятный дирижер Александр Михайлович Коган, хороший музыкант, с большим опытом, внешне импозантно выглядевший, всегда подтянутый, с седой головой, своей интеллигентностью и манерами выделявшийся среди других дирижеров того времени.

В театре работал замечательный концертмейстер Бернблит Владимир Михайлович. Окончив Ленинградскую консерваторию по классу дирижирования у известного дирижера А. В. Гаука, он много лет работал в разных оперных театрах страны. Он прекрасно знал оперный репертуар, с ним я сделала партию Аиды в опере «Аида», Недды в опере «Паяцы», Сенту в опере «Моряк-Скиталец» (музыка Вагнера), Леонору в опере «Трубадур» и другие.

Я никогда не прекращала концертной деятельности: совмещала работу в театре и филармонии. Однажды, это было в 1959 году, я поехала на гастроли в Сибирь, в Красноярский край. Там был передний край семилетки. Много молодежи трудилось на строительстве Красноярской ГЭС и алюминиевого комбината, и как трудилось! А в каких тяжелых условиях приходилось быть! В Красноярске я встретилась с директором, организующим театр Музыкальной комедии, в котором хотели ставить и оперы. Он предложил мне приехать помочь в создании этого театра и попеть в нем.

Меня всегда увлекала романтика, а трудностей я никогда не боялась, поэтому, недолго задумываясь, я согласилась. Директор Малого оперного театра Б. И. Загурский и

заведующий режиссерским управлением В. Н. Холмин говорили, что я делаю, что это безумие, что мое место в оперном театре, и вообще, зачем мне это надо? Но, невзирая на все уговоры, я уехала в Сибирь. Народу туда понаехало много, в основном из провинции. Начались в создаваемом коллективе склоки, интриги, так как люди были разной культуры, разных взглядов и интересов. Обстановка сложилась сложная, так что претворить в жизнь свои замыслы и идеи, я поняла, здесь не смогу. Я занималась вокалом с певцами, а также с голосистой молодежью из хора, несколько человек подготовила в музыкальные училища. Сама много пела в концертах, дала много шефских.

Приехав однажды из гастрольной поездки, я призадумалась: годы бегут, молодость уходит. Репертуар в театре был однообразен, новые спектакли ставились редко, петь одно и то же мне было неинтересно: мне казалось, что я ничего в жизни значительного не сделала, а так хотелось оставить след. Да и к тому же я устала, мне надоели театральные, вернее закулисные, интриги. Это вечное соперничество, подкусывание, заговоры, сталкивающие между собой актеров. У меня всегда возникала мысль, почему артисты, как принято говорить, «инженеры человеческих душ», служащие добру и красоте, так завистливы и низки в своих поступках? Как болезненно переносят успех другого, считая всех «нулями», а «единицами» — себя. Я думаю, что все это идет, в конечном счете, от плохого воспитания с детства и малой интеллигентности.

Пение — очень увлекательное занятие, но мне мечталось найти какую-то большую и значительную отдачу своих сил и возможностей, принести пользу тем, кому нужны мои знания. Когда я приезжала с концертами на целинные земли, я встречалась с замечательной молодежью, тянувшейся к музыке, к искусству. После концертов молодые люди подходили ко мне, просили их прослушать, посоветовать, прислать им слова и музыку песен. Духовно они были явно обделены. Артисты, как и я, приезжали туда с концертами, но этого было явно мало и не могло дать молодежи полного удовлетворения, ей нужны были люди, которые с ней работали бы, обогащали ее духовно, культурно поднимали, воспитывали чувство прекрасного, приобщали к настоящему искусству. Подумав еще и еще раз, я решила — вот там сейчас мое место. Вот там я создам коллектив из молодежи и реализую свои планы.

Приняв окончательное решение, я дала телеграмму на имя Е. А. Фурцевой, министра культуры СССР, с просьбой направить меня на постоянную работу на Целину. Меня вызвали в Москву и, когда я приехала, я была принята заместителем Фурцевой товарищем Калининым и заместителем по кадрам товарищем Тарасовым — они выслушали меня и командировали в Алма-Ату, так как я выбрала Казахскую Целину, потому что мне думалось, что там теплее.

Поехала в Алма-Ату, сама не знаю почему, поездом, хотя командировали самолетом. Ехала, ехала более 80 часов: приехала в Алма-Ату, а там уже весна началась, хотя был еще конец января. Небо голубое, солнышко ярко светит, птички кругом щебечут. После нашего холодного хмурого севера, хотя я и попала в чужой мне город, но на сердце было весело. Сняв номер в гостинице, я сразу же направилась в Министерство культуры. Меня любезно приняла министр Галимжанова, очень приятная интересная женщина, и предложила мне:

— Где хотите поработать, у нас в театре или в филармонии?

Я ей говорю, что у меня и дома в Ленинграде есть работа. Я хочу поработать с молодежью, которая приехала на покорение целинных земель из разных уголков нашей Родины. Она, как видно, не могла понять, что я хочу, так как стала предлагать колхозы, то один, то другой; ее заместитель тоже был как-то растерян, говоря: «Мы подумаем, мы подыщем».

Видя, что не могу найти общего языка, я с утра направилась в ЦК партии Казахстана, там работал в то время вторым секретарем наш ленинградец Родионов

Николай Николаевич. Позвонив его референту, я представилась. Н. Н. Родионова не было, он был в командировке. Когда я утром пришла в Министерство культуры, то меня уже разыскивали, так как звонили из ЦК и сообщили, что на следующее утро в 10 часов меня ждет Родионов. Без четверти десять я была уже в приемной, а ровно в десять референт пригласил меня в кабинет. Николай Николаевич принял меня очень приветливо, сказав, что помнит меня по спектаклям в оперетте и в опере. И рассказал и показал по карте, какое огромное идет строительство, какие колоссальные пространства засеваются, как поднимают вековую целину. Ему я поведала, каковы мои планы, что бы я хотела и с какой целью приехала. Он тут же по прямому проводу соединился с первым секретарем Целинного края товарищем Соколовым Тихоном Ивановичем и сказал, что приехала ленинградская артистка, которая хочет из покорителей целины создать музыкальный коллектив и что ее надо поддержать. И вот направляюсь в Целиноград, бывший Акмолинск (что по-казахски «Белая могила»).

Тогда же меня вызвала **Е. А. Фурцева** и сказала, чтобы я через газету «Советская культура» обратилась к творческим работникам с призывом. 15 марта 1962 года был опубликован мой призыв: **«Нас ждут на Целине»**. Председатель ЦК профсоюзов товарищ Калинин на IV Съезде работников культуры отметил мои действия как патриотический почин, достойный одобрения и подражания. На мой отзыв откликнулась балетмейстер Ленинградского Дома народного творчества М. Е. Нудэ-Лубо. Хормейстерами я взяла выпускников Ленинградской капеллы двух юношей, А. Верягина и Ю. Щеглова.

В первых числах апреля мы с балетмейстером Марией Евгеньевной Нудэ-Лубо прибыли на постоянную работу в Целиноград. Квартир не было, дома не были готовы, и мы с Марией Евгеньевной остановились в одном номере в гостинице «Ишим», в которой удобств не было никаких. Работа в Целинограде бурлила днем и ночью, сносились саманные дома, воздвигались бригадами ленинградцев и москвичей пятиэтажные дома, начиналось асфальтирование главной улицы — улицы Мира. Площади были завалены мусором, по боковым улицам пройти было тяжело, не попав в лужу или грязь, так как сложенные дощечки не всегда всех выдерживали. В городе было два кинотеатра, очень маленьких, душных, был один Дворец железнодорожников. В нем занимались два кружка, в основном из одних женщин, танцевальный и хоровой, они были очень слабые, с низкой провинциальной культурой.

С первых же дней по приезду в Целиноград мы приступили к работе. День у меня начинался с 9 часов утра и кончался в 11-12 ночи. Мне приходилось быть педагогом, аккомпаниатором, хударком, администратором, советчиком по личным вопросам. Ребята горели желанием заниматься, хотели как можно больше узнать от меня. После тяжелой работы, невзирая на усталость, они мчались на занятия. Я занималась сольным пением с более чем двадцатью ребятами. Были прекрасные голоса. Особенно отличались вокальными данными бульдозерист А. Суворов, слесарь Г. Кропочев, маляр Г. Грибова, телеграфистка Г. Дианова, Л. Парфенюк, И. Мельниченко, Д. Гаспарян, В. Панова. Хочется отметить моих учеников из числа казахов — это Р. Женалина, З. Акташирова, К. Султанов, Д. Кыздарбеков

— у всех был отличный материал: от природы звучные, яркие голоса. Видимо, степной воздух, напоенный травами, способствует хорошему, глубокому дыханию, а анатомическое устройство верхних резонаторов дает богатое озвучивание голоса.

Условия работы были тяжелыми, не было специального помещения, занимались в школе, балетная группа — в спортзалах. Когда мне дали двухкомнатную квартиру и поставили инструмент, я стала заниматься с солистами дома.

Хормейстеры А. Веряхин и Ю. Щеглов скрупулезно работали с хором, изучали с ними нотную грамоту, в балетной группе тоже велись серьезные занятия, проходили классический и характерный станки. Мне много пришлось подумать и поработать над первой программой. Мне хотелось, чтобы ансамбль имел свой собственный неповторимый облик. Во-первых, надо было учесть, что это — многонациональная семья целинников, ведь на покорение целинных земель съехалась молодежь со всего Советского Союза. На целине насчитывалось более 50 национальностей, в нашем ансамбле было 19 представителей. Во-вторых, нельзя было забывать, что это — казахская земля и что она была тогда основной «житницей хлеба». Вот почему эмблемой ансамбля я избрала «Золотой колос». У нас завязалось творческое содружество с композиторами А. Новиковым, В. Мурадели, С. Туликовым, Б. Мокроусовым, которые писали музыку песен для нашего ансамбля.

Первая программа состояла из двух отделений. Первое — «Целина о мире» и вторая — «В семье целинников».

Сценарий программы

На концертной площадке, на фоне символического налитого колоса
выстроен состав ансамбля песни и пляски

Исполняется песня о КПСС
(муз. Мурадели)

Ведущий 1: - В степях необозримых Казахстана,
Дремучую нарушив тишину,
Мы вышли на просторы океана,
Вздымая вековую целину.
То океан пшеницы небывалой!
В его волнах мы сердцем расцвели!

Ведущий: - И вот уже штурмует вал за валом
Целинные комбайны-корабли!

Ведущий 1: - Целинный край!
Единственный на свете!
В него мы беззаветно влюблены!
И потому по всей большой планете
Летит ракетой песня целины!

Ансамбль исполняет песню «Над просторами целинных полей»

Ведущий: - Все ярче солнце лучезарное,
Пускай подъем наш крут,
Овеян славой легендарною
Величественный труд!
Нам дорог путь народом пройденный!
Победам каждый рад!
О коммунизме вместе с Родиной
Поет Целиноград!

Ансамбль исполняет песню «Солнце над нами»
(муз. А.Новикова)

Ведущий: - Земля цветет!
Не в сказке, а буквально!
Мы в годы бурь стремительно росли.
И не забыть нам пепел Бухенвальда,
Он жжет сердца народов всей земли!

Ансамбль исполняет песню «Бухенвальдский набат»
(муз. Мурадели)

Ведущий: - Гремит набат! Мы строимся в колонны
Во имя счастья будущих веков!
И видит мир крушение колоний,
Освобожденье их из под оков!
Гремит набат! Мы слышим голос гонга!
Призывный гонг!
Он слышен и у звезд!
И видит мир, как мчатся волны Конго,
Как Африка встает в свой полный рост!

Ансамбль исполняет песню «Вперед конголезец»
(на слова конголезского поэта Китиква)

Ведущий: - Ветер века обжигает губы,
Песней братства наполняется эфир!

Далеко от Африки до Кубы,
Но свобода сблизила весь мир!
Клятва дружбы мчится ураганом!
Куба! Твой народ непобедим!
Бесконечно Куба дорога нам!
И ее в обиду не дадим!

Ведущий: - Куба! Ни угрозами, ни спесью
Нас не сбить зачинщикам войны!
Мы твою прославленную песню
Вновь поем в просторах целины!

Меняется заднее оформление сцены. На фоне изображения пылающего острова Свободы исполняется танец «Сын Кубы». И вслед за танцем весь состав ансамбля исполняет Гимн Республики Куба - Марш 26 июля. Занавес.

Ведущий: - Есть в мире Африка и Куба!
Есть в мире много разных стран!

Ведущий 2: - В моей стране в труде ликует
Победоносной Казахстан!
Другим пример - его Свобода!
Другим пример - его расцвет!
Пример для каждого народа
Его крылатый путь побед!
Его стремительные крылья все
Выше вновь устремлены!
То путь к вершинам изобилья
Советской солнечной страны!
Народы мира!
Те что смело с земли сметают рабства тень!
Им в Казахстане виден светлый
Счастливый завтрашний свой день!

Ведущий 1: - Наш Казахстан, он солнцу близок!
Согрело жизнь его тепло!
Под вешним солнцем коммунизма

Его искусство расцвело!

Меняется заднее оформление сцены. На фоне гор Ала-Тау и цветущих яблонь, символизирующий возрожденный Казахстан ансамбль исполняет «Казахскую песню, в том числе народный танец и песню Абая». «Ты зрачок глаз моих», песню «Маяки», песню Мурадели «Слава Казахстана».

Ведущий 2: - Мой друг целинник!

Ты с Кубани!

А я пришел сюда с Днепра!

Я помню зорьку утром ранним

У непогасшего костра!

В той зорьке столько было ласки

И столько света и тепла, что в каждой песне,

В каждой пляске душа народа сберегла!

И здесь интернациональной семье

Целинников одной звучит напев,

Рожденный дальней моей днепровской стороной!

Меняется оформление сцены. И на фоне символических тополей осененных красочным украинским венком, ансамбль исполняет украинскую пляску и песни «Рушнычок над Днепром».

Ведущий 1: - Народ родной!

Умом и силой

Мир на земле мы отстоим!

Ведущий 2: - Не зря великий сын России

Прославлен мужеством своим!

Ведущий 1: - Мир не делим!

Не славы ради!

Не помышляя о награде,

Мы к цели мужественно шли!

Ведущий 2: - И первый наш целиноградец -

Борец за мир для всей земли!

Ансамбль, выйдя на просцениум, исполняет «Песню о дальней дороге» (муз. Новикова). На этом завершается первое отделение концертной программы.

На концертной площадке на фоне символического налитого колоса построен весь состав ансамбля.

Ведущий 1: - Куда ни глянь, легли угоды,
Просторы хлебные легли!
Идем на землю плодородья,
И нет обширней той земли!
Теперь история - то время,
Когда с путевкой навсегда
Сюда слеталось наше племя
Для исполинского труда!

Ансамбль исполняет песню покорителей целины «Золотая земля урожая» (муз. Тумашева).

Ведущий 1: - Заря сияет новой краской,
То нашей молодости след!
И полон мир целинной пляской,
Рождены в беге этих лет!
Механизатор и доярка
Пастух комсорг и агроном –
Летят стремительно и ярко
В том танце юности родном!
Он призван.

Ведущий 2: - Казахский, польский и грузинский
И белорусский мчит напев!
Он позади - весенний сев!
Поднялся хлеб наш исполинский!
Сегодня отдых!
Вчера наречья на целине опять звучат!
И два певца спешат навстречу
В гурьбу танцующих девчат!

Дуэт в сопровождении оркестра или баянной группы исполняют песню «Тбилиси» (муз. Лагидзе).

Ведущий 1: - Проходочки и топотушки
Вот это дробит на земле
И не бывалые частушки
Звонят в ликующей семье!

Исполняются целинные частушки и финал пляски.

Ведущий 2: - Когда герои новоселы
Здесь пролагали
Первый след,
Вчерашним школьникам веселым
Им было только десять лет!
Озорники и озорницы
Они росли, эпохи вновь
И сердце вспыхнуло зарницей
Большая первая любовь!

Солистка исполняет песню «Первая любовь».

Ведущий 1: - Когда влюблен, себя не жалко,
Отдать для подвига навек!
На целине тебя Волжанка,
Поет счастливый человек!
В степи бескрайней Кустаная,
Среди пшеницы золотой,
Механизатор, вспоминая,
Живет единственный мечтой:
Он ждет волжанку!
Ждет невесту!
Считает дни в календаре!
И в поле к месту и не к месту -
Поет на утренней заре!

Исполняется песня сольная «На заре золотой». В сопровождении хора и оркестра.

Ведущий 2: - Молодые люди!
Поднимите головы!
Высоко над нами
Пролетают голуби!
Это годы наши,
Это наши месяцы!
Не грустите люди!
В жизни эпоха вместится!
Мы на счастье войны!
В космосе мы боги!

Ведущий 1: - Коммунизм построенный - имя той эпохи!

Ведущий 2: - Молодые люди!
Поднимите головы!
Высоко над нами
Пролетают голуби!

Меняется оформление сцены. На фоне символических голубей ансамбль исполняет сюиту «Летят голуби» (муз. Фрадкина)

Ведущий 1: - Слушайте, слушайте, слушайте!!!
Все континенты мира!
Материки и страны.
Села и города!
На целине распаханной
Смели и неумоимо
Мир утверждают подвигом
Богатыри труда!
Хлеб! Это мирный подвиг!
Мясо и шерсть и масло
Мы производим, люди.
Чтоб кормить людей!
Знай, поджигатель подлый!
Ныне людские массы
Стали стократ сильнее
Силой своих идей!

Мир коммунизму важен!
Мир коммунизму нужен!
Мир с коммунизмом дружен!
К миру зовут умы!
В наших сердцах отвага,
Козни врагов разрушим!
Наш урожай - оружие!
Мир утверждаем мы!
Крепнет в труде победном
Доблестная держава!
Крепнет в сердцах народных
Светлой любви прибой.
Партия - наше счастье,
Партия - наша слава,
Партия - наша сила!
Партия - мы с тобой!

Итак, в 1962 году ансамбль (мое детище) был создан и зажил интересной творческой жизнью. В дальнейшем ансамбль получил звание Целиноградского народного ансамбля песни и танца. Его называли «русским чудом на Целине»!

Андреева О.Д.
С дочерью Татьяной

Да! Гастрольные поездки по матушке России нелегкие. Бытовые условия бывали ниже всякой критики. Залы разные, инструменты в жутком состоянии, петь под их аккомпанемент трудно, а играть пианистам соло на них — это просто подвиг. И тем не менее все окупалось, когда встречались с чутким, жаждущим музыки зрителем. Какое испытываешь наслаждение оттого, что ты приносишь радость людям! Телевизоры тогда не везде были, и людям, жившим в далеких уголках, не хватало духовной пищи.

Мое поколение в этом смысле было более счастливое. Раньше была совсем другая аудитория, которая с таким вниманием и жадностью слушала фортепианные произведения, русские романсы, песни. А теперь слушателей это мало интересует, им подавай вокально-инструментальные ансамбли. И понятно, ведь никто их не приобщает к настоящему искусству. Ведь для того, чтобы понимать и наслаждаться искусством, надо быть хоть немного художественно образованным. А откуда народу это брать? Более 30 лет наш народ воспитывают

на эстрадной музыке. Но эстрада эстраде рознь. Вспомним добрую старую эстраду, когда выступали К. И. Шульженко, Изабелла Юрьева, Л. О. Утесов, Марк Бернес и другие. Это были по-настоящему талантливые люди, пусть не у всех были первоклассные голоса, но у всех была своя манера исполнения, они имели неповторимую индивидуальность. А сейчас целыми днями и ночами по радио и телевидению звучит тупая, бездумная и бездушная музыка, зачастую с бездарными и бессмысленными словами. Исполнители то что-то шепчут, то неистово во все горло начинают издавать чревовещательные звуки, и все это сопровождается дрынканьем, шумовыми эффектами, причем поведение музыкантов на сцене отвратное, убивающее у слушателей интеллект и делающее из них таких дебилов. Современная эстрадная музыка — это псевдоискусство, оно обращено не к чувствам, а к чувственным инстинктам людей. Часто на концертах некоторых эстрадных артистов слушатели превращаются в разнузданную и взбудораженную толпу, кричащую, свистящую, топающую, хлопающую, а на эстраде так называемый певец шаманит — иначе назвать это «действо» нельзя, — все это выглядит как шабаш. Исключения составляют Иосиф Кобзон, Нани Бреговдзе.

Понятно, почему многие артисты не хотят в провинции ни петь, ни играть, так как на академические концерты народ не ходит, залы пустуют, самое большее, что предоставляют исполнителям, — это залы музыкальных школ, и заполняются они в основном учащимися этих школ и преподавателями.

Не могу не вспомнить моего любимого человека, педагога, друга Любовь Александровну Дельмас-Андрееву. Чаще всего о ней пишут только как об исполнительнице роли Кармен, вдохновившей Блока на цикл стихов, посвященных ей. Но это несправедливо. Любовь Александровна была прекрасная артистка, певица, создавшая целую галерею различных женских образов. Роль Кармен была вершиной в ее творчестве, этот образ был любим и близок Блоку. Тип неукротимой испанской цыганки, встреченный им во время путешествия по Испании, жил в нем и тревожил его воображение. И когда Александр Александрович увидел Дельмас-Андрееву в этой роли в театре Музыкальной драмы, то его воображению предстало полное яркое воплощение характера. Как писала его тетка, первый его биограф, он был охвачен стихийным обаянием ее исполнения и всего ее облика, огненно страстной игрой, увлекательным пением.

Ты как отзвук забытого гимна

В моей черной и дикой судьбе.

О, Кармен, мне печально и дивно,

Что приснился мне сон о тебе.

В моем репертуаре более ста старинных русских романсов, а знаю я их огромное количество.

Вышедшие пластинки со старинными романсами имели успех, быстро расходились и несколько раз переиздавались.

В моих жилах течет кровь многих национальностей: у меня одна прабабушка по маминой линии была турчанка, бабушка — украинец, другая бабушка со стороны отца — наполовину немка, наполовину гречанка; только дед Андреев Константин Петрович был русский. А вот я всей душой и сердцем — русская. Люблю свою Россию с какой-то особой, необъяснимой нежностью, и когда бы и где бы я ни была, я ужасно скучала и мечтала поскорее вернуться домой. Люблю ее леса, луга, безбрежные поля, озера, реки, русскую задушевную песню, русские сказки, русских композиторов, поэтов, писателей и наш многострадальный народ, который умеет все прощать и не помнить зла. Ведь так терпеть, страдать и переносить все тяжести могут только русские. Люблю русское хлебосолье, размах, добродушие, бесхитрость.

Ну кто может во всем этом сравниться с русскими?

Правда, наш народ бывает страшен в гневе, когда приходит конец терпению. Но его надо долго доводить, пока проснется в нем медвежья ярость.

Мое поколение — самое несчастное. На нашу долю выпала революция, ломка старой России и строительство нового государства, не похожего ни на одно в мире. Бесконечные репрессии, случайно не задевшие редкую семью. Затем — войны: сначала финская, потом Отечественная. Нам, ленинградцам, выпала еще и блокада, и опять новое испытание — перестройка. Но, по-моему, хуже настоящего времени мы не переживали, тем более что оно совпало с нашим пожилым возрастом. Когда силы иссякают, сознание не может перестроиться на новый лад, новое мышление. Впереди, как видно, ничего не «светит», во всяком случае, в ближайшие десятилетия, потеряны надежды на лучшее будущее, которые в нас жили в прежние, тяжелые времена. Все старое рушится, а нового пока ничего не создается. Нравы человеческие падают, мораль уничтожается, патриотизм убивается, никто не думает о другом, только о себе и для себя. Побольше, побольше нахапать, неважно, каким путем. Честные, добросовестные люди страдают, и морально и материально нищают. Страшно становится, когда матери отказываются от своих детей из-за того, что нет возможности их накормить. Старушки стоят на толкучках и продают свое последнее тряпье, чтобы купить хлеба и молока, которые возросли в цене в 20-30 и более раз. Хорошие музыканты собираются группами и играют на улицах за подачки, которые добрые души кладут им в шапку. Кругом льется кровь, брат пошел на брата, огромная наша богатая страна надеется на помощь от других стран. Никто не хочет работать, большинство занимается коммерцией, непонятно, с чего и откуда появились миллионеры, так как никакой продукции не создается, производства останавливаются, преступность процветает пышным цветом, страну могучую раздробили на части, просто ужас охватывает. И в то же время устраиваются для новых капиталистов балы, фестивали, аукционы, торги, ночные кабаре, конкурсы красавиц с драгоценными премиями — прямо пир во время чумы!

Не появился бы в народе опять призыв: «Мир — хижинам, война — дворцам»!

Я благодарна судьбе, что у меня не озлобилось и не ожесточилось сердце за все пережитые мною обиды, незаслуженные унижения, клевету, вечную борьбу за правду, которую в нашем обществе и среди людей, окружавших меня, трудно было отыскать.

Мне не суждено было достичь наивысшей вершины в искусстве и проявить все свои способности, данные мне Богом и предсказываемые большими, талантливыми людьми, видно, судьба так повелела. Но я не ропщу. Мне отрадно сознавать, что я все же недаром прожила жизнь. Ведь много и радости и счастья я принесла людям».

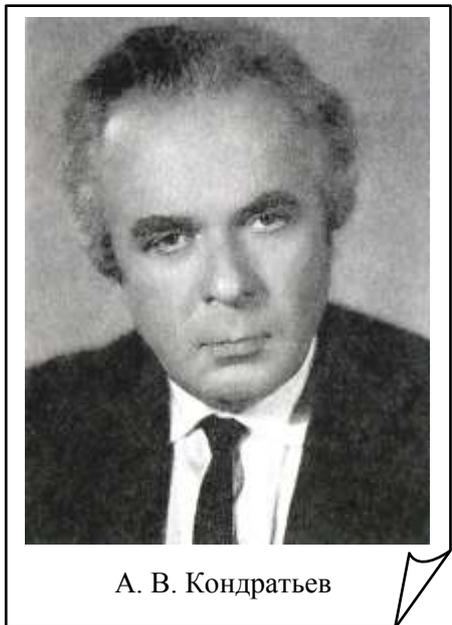
Вспоминая творческий путь Ольги Давыдовны, не могу не отразить ее сотрудничество и дружбу с прославленным музыкантом, пианистом-аккомпаниатором Андреем Владимировичем Кондратьевым.

Хорошо помню первое знакомство с Андреем Владимировичем. Он появился в доме Ольги Давыдовны в начале марта 1959 года, когда ей требовался пианист-аккомпаниатор для создававшегося трио.

Придя с работы, я увидел за фортепиано красивого и немногословного молодого человека. В нашем первом разговоре он показал себя эрудированным, очень приятным собеседником. Ольга Давыдовна сразу признала, что Андрей

Владимирович очень талантливый пианист. Нередко он выступал с сольными концертами, преподавал также в Ленинградской консерватории.

Вскоре жизнь снова столкнула нас с Андреем Владимировичем, когда он приехал как солист Ленинградской областной филармонии в августе 1961 года в Красноярск с гастролью в качестве аккомпаниатора Ольги Давыдовны. В то время я работал прокурором Красноярского края.

А. В. Кондратьев

На всю жизнь запомнились мне эти первые совместные гастрольные концерты Ольги Давыдовны и Андрея Владимировича. Они были яркими, с интересными и разнообразными программами, включавшими произведения западноевропейской и отечественной классики, русские народные песни, песни народов мира, произведения советских композиторов, романсы, оперные арии, арии из оперетт и многое другое. Всего не перечислишь, настолько эти программы были обширны по своему жанровому диапазону.

По сложившейся в ансамбле Ольги Давыдовны и Андрея Владимировича традиции вначале концерта Андрей Владимирович играл несколько фортепианных произведений соло. Хорошо помню, какой успех вызывали произведения Шопена, Листа, Мусоргского, Аренинского, Рахманинова в виртуозном, мастерски отточенном исполнении и необыкновенно искреннем, глубоком прочтении Андрея Владимировича. Об этом говорят профессиональные рецензии на концерты, в которых всегда высоко оценивалось фортепианное мастерство, вдохновенный облик и зрелая интерпретация артиста. Публика была воодушевлена, аплодировали стоя. Это помогало настроить людей на необходимую творческую волну, «подготовить» к основной части программы — совместному выступлению Ольги Давыдовны и ее аккомпаниатора.

Такая традиция была символична: сама Ольга Давыдовна окончила два факультета Ленинградской консерватории: фортепианный и вокальный. Поэтому непросто было найти аккомпаниатора, соответствующего высоким требованиям Ольги Давыдовны! Непросто было и аккомпаниатору находиться все время «под прицелом» коллеги! Однако Андрей Владимирович с честью выдержал все испытания и полностью соответствовал статусу аккомпаниатора Ольги Андреевой все 43 года их творческого общения, став бессменным.

Ошеломительный успех, радостные лица, роскошные приемы как в концертном зале, так и за кулисами, на банкетах — все это вспоминается, как одни из самых радостных моментов жизни. При этом выступали артисты иногда в прекрасных филармонических условиях концертных залов, иногда с грузовика, на заводе, в сельских клубах или на Красноярской ГЭС. Но никогда это не сказывалось на качестве исполнения программ. Всегда высочайшее

мастерство, высокий вкус, совершенство как вокальной партии Ольги Давыдовны, так и тонкого аккомпанемента Андрея Владимировича.

География гастролей в Красноярском крае также впечатляет, особенно если учесть 1000-километровую территорию этого исполинского региона: Дом офицеров Канска, Дворец культуры железнодорожников города Иланского, Народный театр (районный Дом культуры) г. Уяра, Клуб им. В. В. Маяковского, Театр им. А. С. Пушкина, Дом культуры им. Первого мая и Дом культуры «Строитель» самого Красноярска, Клуб Красноярской ГЭС в Дивногорске (тогда в поселке!), наконец, запись программы 12 сентября 1961 года в Радиокomitee Красноярска на студии грамзаписи.

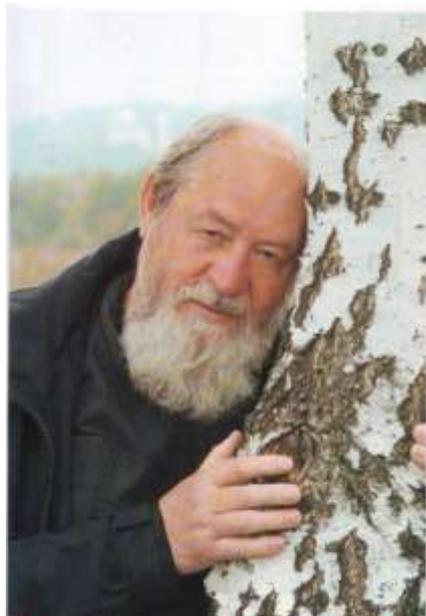

Когда Ольга Давыдовна была тяжело больна, и перенесла клиническую смерть, находясь в больнице имени Я. М. Свердлова, судьба подарила мне встречу с удивительным человеком — отцом Василием (Ермаковым). В трудную минуту он протянул руку помощи мне, а затем и Ольге Давыдовне, стал нашим духовным отцом.

Его любили многие прихожане, с которыми он встречался за годы своего пастырского служения в разных городских храмах Ленинграда — Санкт-Петербурга. Отца Василия Ермакова уважали люди, случайно услышавшие его горячую проповедь в маленькой деревянной церкви на Серафимовском кладбище.

За что его любили мы с Ольгой Давыдовной? За постоянное внимание и ласку. За что ценили? За искренность и глубокую убежденность. Почему мы его так глубоко уважали? Потому что чувствовали единство слов и дел, столь нечастое в наши дни.

Нескончаемым потоком тянулись к нему люди: побеседовать о наблевшем, излить израненную душу, выслушать краткое утешение и наставление. Проповеди батюшки не отличались риторическим изяществом, но в них было главное — искренность и любовь к русским людям.

Безусловно, есть более эрудированные проповедники, есть более искусные, более эмоциональные, но как часто им не хватает безыскусной искренности и душевной теплоты, которые так трогают душу современного верующего! Как нуждаются именно в этом наши прихожане!

Отец Василий стремился помочь нам своим словом. Он не отделивался дежурной скороговоркой, а говорил обстоятельно; не воспаряя в богословские эмпирии, рассказывал об

истинах Евангелия, не боясь приводить примеры из современности, и делал это задушевным, простым языком.

Ольга Давыдовна всю жизнь была глубоко верующим, православным человеком. Общение с бабушкой очень много значило для нее. К сожалению, несколько лет назад после продолжительной болезни отец Василий скончался. Ольга Давыдовна крайне тяжело переживала эту утрату.

*Дорогому, любимому Батюшке В. Ермакову,
Настоятелю храма преп. Серафима Саровского*

Весь мир во зле, и вся Россия
Повержена нечистой силой.
Нам все сильней сжимаю горло...
Замолкни в небе, ворон черный,
Кружась над Русью Православной,
Вещая нам конец бесславный!!!
Не раз попытки эти были,
Но мы с победой выходили.
Сама Небесная Царица
Поможет людям просветиться!
Не зря поется в нашей песне:
«Мы не погибнем, мы воскреснем!»
Сама Небесная Царица
Поможет нам объединиться.
Вся Русь сомкнется воедино
И станет вновь непобедимой.
Спасение в Вере Православной
Моей страны многострадальной.
Враг внешний не опасен так,
Как внутренний опасен враг.

И мы во мраке заблуждения,
Осмыслив все свои падения,
И в покаянии с молитвой
Одержим верх с врагами в битве.
Молитва Матери Небесной
С молитвой матери земной
Спасут всю Русь и шар земной
От антихристовской засады,
От этой пропасти известной,
Поистине исчадия ада.
Мы на земле богаче всех,
Но хуже всех живем:
Безбожный олигархов цех
Ограбил русский дом.
Господь узрит беду России,
Даст нам и разума и силы
Врагов заклятых сокрушить,
Чтоб в Боге, в мире людям жить.

Н. Заболоцкий

23 июля 2005 года издан указ Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина о высокой правительственной награде, ордена «За заслуги перед Отечеством» Народной артистке России и Казахстана, почетному ветерану 42-й Армии Ленинградского фронта, профессору Ленинградской консерватории Ольге Давыдовне Андреевой.

Награду Ольге Андреевой вручил министр транспорта Российской Федерации Игорь Евгеньевич Левитин.

Огласив указ о награждении, Игорь Евгеньевич передал личные поздравления Президента и губернатора города Валентины Ивановны Матвиенко, которые всегда с большой заботой и вниманием относились к народной героине.

К поздравлениям присоединился ректор Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, народный артист СССР,

профессор Владислав Александрович Чернушенко, рассказавший о славном пути выпускницы Консерватории, профессора О. Д. Андреевой.

Ректор Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации Михаил Юрьевич Смуров говорил о концертной деятельности Ольги Давыдовны, ее шефской работе со студентами университета, о справедливой и заслуженной награде Родины.

Прославленный воин, известный профессор, заслуженный деятель науки России, кавалер орденов Славы, непосредственный участник боев за Ленинград в составе 125-й стрелковой дивизии 42-й армии Константин Евгеньевич Ливанцев поведал присутствующим о своих фронтовых встречах со студенткой Консерватории Ольгой Андреевой, о том, как восторженно слушали ее концерты бойцы Ленинградского фронта.

Народный артист России, начальник Управления культуры города Николай Буров сообщил об изданных на средства ветеранов 42-й армии двух книгах: «Любите Россию и будьте России верны» и «Она защищала Ленинград». Он привел многочисленные восторженные высказывания выдающихся деятелей науки и культуры об Ольге Андреевой, содержащиеся в этих книгах. Так, Жорес Алферов, Валерий Гергиев, Дмитрий Хворостовский, Тихон Хренников характеризовали великую певицу как Героя нации.

Очень эмоционально, с большой теплотой выступила любящая внучка Оленька, доктор транспорта и академик. Постоянный помощник семьи, молодой и талантливый ученый-правовед, доцент СПбГУГА Кирилл Богданович Аруев подчеркнул, что на всю жизнь сохранит к ней самые теплые чувства. Присутствующим запомнилась и яркая речь кандидата юридических наук, академика Ларисы Николаевны Аруевой, пожелавшей юбиляру долгих лет жизни. Командующий 6-й Армией ПВО и ВВС, генерал-лейтенант Геннадий Андреевич Горбов присоединился к поздравлениям и сообщил, что в истории мирового искусства нет аналогов подвигу, совершенному Ольгой Давыдовной. Кто еще мог пожертвовать славой, уютом, всеми соблазнами большого города ради создания в казахстанских степях самодеятельного ансамбля песни и танца «Целинник»? А совершила это великая певица, известная в Европе как солистка оперы.

Ж. Алферов

Кто в мире искусства поверит в подобное самопожертвование? Четыре лучших года были отданы первоцелинникам. Командующий привел слова космонавта Германа Степановича Титова, неоднократно посещавшего концерты

Генерал-лейтенант Г. А. Торбов, командующий 6-й армией ВВС и ПВО, вручает Ольге Давыдовне звезду лауреата Золотой книги Санкт-Петербурга. 2003 г.

«Целинника» в Целинограде, который назвал Ольгу Давыдовну национальным героем Отечества.

На банкете в честь 90-летия Ольги Давыдовны Андреевой присутствовали девяносто человек: друзья, коллеги, деятели науки и искусства, ветераны 42-й Армии, юные музыканты, вокалисты, почитатели таланта певицы.

На торжественном мероприятии поздравил Ольгу Давыдову Лев Петрович Баранов. Их связывала совместная работа на Целине и

многолетняя дружба.

Будучи государственным советником юстиции 2 класса в Генеральной прокуратуре СССР, Лев Петрович осуществлял руководство транспортными прокуратурами страны. Позднее он возглавил прокуратуру г. Москвы.

В этот же период возникла необходимость создания юридического факультета в техническом ВУЗе (Академии Гражданской авиации). Лев Петрович своими конкретными действиями определил важность и организационно содействовал открытию факультета. Во время моей поездки в Москву в сентябре 2009 мы встретились на его подмосковной даче и вспоминали совместную работу на Целине. В тот сложный период Лев Петрович был прокурором края и на общем собрании

коммунистов, где рассматривалось мое персональное дело за поведение на идеологическом активе края, и стоял вопрос об исключении из членов КПСС, только Лев Петрович был единственным, проголосовавшим против.